

ДЯДЯ ВАНЯ

СЦЕНЫ ИЗ ДЕРЕВЕНСКОЙ ЖИЗНИ
В ЧЕТЫРЕХ ДЕЙСТВИЯХ

[Почитать описание, рецензии и купить на сайте МИФа](#)

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Серебряков Александр Владимирович,
отставной профессор.

Елена Андреевна, его жена, 27 лет.

Софья Александровна (Соня), его дочь
от первого брака.

Войницкая Мария Васильевна, вдова тай-
ного советника, мать первой жены профессора.

Войницкий Иван Петрович, ее сын.

Астров Михаил Львович, врач.

Телегин Илья Ильич, обедневший помещик.

Марина, старая няня.

Работник.

Действие происходит в усадьбе Серебрякова.

Действие первое

[Почитать описание, рецензии и купить на сайте МИФа](#)

Сад. Видна часть дома с террасой. На аллее под старым тополем стол, сервированный для чая. Скамьи, стулья; на одной из скамей лежит гитара. Недалеко от стола качели. — Третий час дня.
Пасмурно.

М а р и н а (сырая, малоподвижная старушка, сидит у самовара, вяжет чулок) и А с т р о в (ходит возле).

М а р и н а (*наливает стакан*). Кушай, батюшка.
А с т р о в (*нехотя принимает стакан*). Что-то не хочется.

М а р и н а. Может, водочки выпьешь?

А с т р о в. Нет. Я не каждый день водку пью. К тому же душно.

Пауза.

Нянька, сколько прошло, как мы знакомы?

М а р и н а (*раздумывая*). Сколько? Дай бог память... Ты приехал сюда, в эти края... когда?.. еще

жива была Вера Петровна, Сонечкина мать. Ты при ней к нам две зимы ездил... Ну, значит, лет одиннадцать прошло. *(Подумав.)* А может, и больше...

А с т р о в. Сильно я изменился с тех пор?

М а р и н а. Сильно. Тогда ты молодой был, красивый, а теперь постарел. И красота уже не та. Тоже сказать — и водочку пьешь.

А с т р о в. Да... В десять лет другим человеком стал. А какая причина? Заработался, нянька. От утра до ночи все на ногах, покою не знаю, а ночью лежишь под одеялом и боишься, как бы к больному не потащили. За все время, пока мы с тобою знакомы, у меня ни одного дня не было свободного. Как не постареть? Да и сама по себе жизнь скучна, глупа, грязна... Затягивает эта жизнь. Кругом тебя одни чудаки, сплошь одни чудаки; а поживешь с ними года два-три и мало-помалу сам, незаметно для себя, становишься чудаком. Неизбежная участь. *(Закручивая свои длинные усы.)* Ишь, громадные усы выросли... Глупые усы. Я стал чудаком, нянька... Поглупеть-то я еще не поглупел, бог милостив, мозги на своем месте, но чувства как-то притупились. Ничего я не хочу, ничего мне не нужно, никого я не люблю... Вот разве тебя только люблю. *(Целует ее в голову.)* У меня в детстве была такая же нянька.

М а р и н а. Может, ты кушать хочешь?

А с т р о в. Нет. В Великом посту на третьей неделе поехал я в Малицкое на эпидемию... Сыпной тиф... В избах народ вповалку... Грязь, вонь, дым, телята на полу, с больными вместе... Поросята тут же...

Возился я целый день, не присел, маковой росинки во рту не было, а приехал домой, не дают отдохнуть — привезли с железной дороги стрелочника; положил я его на стол, чтобы ему операцию делать, а он возьми и умри у меня под хлороформом. И когда вот не нужно, чувства проснулись во мне, и защемило мою совесть, точно это я умышленно убил его... Сел я, закрыл глаза — вот этак, и думаю: те, которые будут жить через сто-двести лет после нас и для которых мы теперь пробиваем дорогу, помянут ли нас добрым словом? Нянька, ведь не помянут!

М а р и н а. Люди не помянут, зато бог помянет.

А с т р о в. Вот спасибо. Хорошо ты сказала.

Входит В о й н и ц к и й.

В о й н и ц к и й *(выходит из дому; он выспался после завтрака и имеет помятый вид; садится на скамью, поправляет свой щегольской галстук)*. Да...

Пауза.

Да...

А с т р о в. Выспался?

В о й н и ц к и й. Да... Очень. *(Зевает.)* С тех пор, как здесь живет профессор со своею супругой, жизнь выбилась из колеи... Сплю не вовремя, за завтраком и обедом ем разные кабулы, пью вина... не здорово все это! Прежде минуты свободной не было, я и Соня

работали — мое почтение, а теперь работает одна Соня, а я сплю, ем, пью... Нехорошо!

М а р и н а (*покачив головой*). Порядки! Профессор встает в двенадцать часов, а самовар кипит с утра, все его дожидается. Без них обедали всегда в первом часу, как везде у людей, а при них в седьмом. Ночью профессор читает и пишет, и вдруг часу во втором звонок... Что такое, батюшки? Чаю! Буди для него народ, ставь самовар... Порядки!

А с т р о в. И долго они еще здесь проживут?

В о й н и ц к и й (*свистит*). Сто лет. Профессор решил поселиться здесь.

М а р и н а. Вот и теперь. Самовар уже два часа на столе, а они гулять пошли.

В о й н и ц к и й. Идут, идут... Не волнуйся.

Слышны голоса; из глубины сада, возвращаясь с прогулки, идут Серебряков, Елена Андреевна, Соня и Телегин.

Серебряков. Прекрасно, прекрасно... Чудесные виды.

Телегин. Замечательные, ваше превосходительство.

Соня. Мы завтра поедem в лесничество, папа. Хочешь?

В о й н и ц к и й. Господа, чай пить!

Серебряков. Друзья мои, пришлите мне чай в кабинет, будьте добры! Мне сегодня нужно еще кое-что сделать.

С о н я. А в лесничестве тебе непременно понравится...

Елена Андреевна, Серебряков и Соня уходят в дом; Телегин идет к столу и садится возле Марины.

В о й н и ц к и й. Жарко, душно, а наш великий ученый в пальто, в калошах, с зонтиком и в перчатках.

А с т р о в. Стало быть, бережет себя.

В о й н и ц к и й. А как она хороша! Как хороша! Во всю свою жизнь не видел женщины красивее.

Т е л е г и н. Еду ли я по полю, Марина Тимофеевна, гуляю ли в тенистом саду, смотрю ли на этот стол, я испытываю неизъяснимое блаженство! Погода очаровательная, птички поют, живем мы все в мире и согласии, — чего еще нам? (*Принимая стакан.*) Чувствительно вам благодарен!

В о й н и ц к и й (*мечтательно*). Глаза... Чудная женщина!

А с т р о в. Расскажи-ка что-нибудь, Иван Петрович.

В о й н и ц к и й (*вяло*). Что тебе рассказать?

А с т р о в. Нового нет ли чего?

В о й н и ц к и й. Ничего. Все старо. Я тот же, что и был, пожалуй, стал хуже, так как обленился, ничего не делаю и только ворчу, как старый хрен. Моя старая галка, тапан, все еще лепечет про женскую эмансипацию; одним глазом смотрит в могилу,

а другим ищет в своих умных книжках зарю новой жизни.

А с т р о в. А профессор?

В о й н и ц к и й. А профессор по-прежнему от утра до глубокой ночи сидит у себя в кабинете и пишет. «Напрягши ум, наморщивши чело, всё оды пишем, пишем, и ни себе, ни им похвал нигде не слышим»*. Бедная бумага! Он бы лучше свою автобиографию написал. Какой это превосходный сюжет! Отставной профессор, понимаешь ли, старый сухарь, ученая вобла... Подагра, ревматизм, мигрень, от ревности и зависти вспухла печенка... Живет эта вобла в имение своей первой жены, живет поневоле, потому что жить в городе ему не по карману. Вечно жалуется на свои несчастья, хотя, в сущности, сам необыкновенно счастлив. (*Нервно.*) Ты только подумай, какое счастье! Сын простого дьячка, бурсак**, добился ученых степеней и кафедры, стал его превосходительством, зятем сенатора и прочее и прочее. Все это неважно, впрочем. Но ты возьми вот что. Человек ровно двадцать пять лет читает и пишет об искусстве, ровно ничего не понимая в искусстве. Двадцать пять лет он пережевывает чужие мысли о реализме, натурализме и всяком другом вздоре; двадцать пять лет читает и пишет о том, что умным давно уже известно, а для глупых неинтересно, — значит, двадцать пять

* Цитата из сатиры И. И. Дмитриева «Чужой толк» (1794).

** Воспитанник духовного учебного заведения (училища или семинарии).

лет переливает из пустого в порожнее. И в то же время какое самомнение! Какие претензии! Он вышел в отставку, и его не знает ни одна живая душа, он совершенно неизвестен; значит, двадцать пять лет он занимал чужое место. А посмотри: шагает, как полубог!

А с т р о в. Ну, ты, кажется, завидуешь.

В о й н и ц к и й. Да, завидую! А какой успех у женщин! Ни один Дон-Жуан не знал такого полного успеха! Его первая жена, моя сестра, прекрасное, кроткое создание, чистая, как вот это голубое небо, благородная, великодушная, имевшая поклонников больше, чем он учеников, — любила его так, как могут любить одни только чистые ангелы таких же чистых и прекрасных, как они сами. Моя мать, его теща, до сих пор обожает его, и до сих пор он внушает ей священный ужас. Его вторая жена, красавица, умница, — вы ее только что видели — вышла за него, когда уже он был стар, отдала ему молодость, красоту, свободу, свой блеск. За что? Почему?

А с т р о в. Она верна профессору?

В о й н и ц к и й. К сожалению, да.

А с т р о в. Почему же к сожалению?

В о й н и ц к и й. Потому что эта верность фальшива от начала до конца. В ней много риторики, но нет логики. Изменить старому мужу, которого терпеть не можешь, — это безнравственно; стараться же заглушить в себе бедную молодость и живое чувство — это не безнравственно.

Т е л е г и н (*плачущим голосом*). Ваня, я не люблю, когда ты это говоришь. Ну, вот, право... Кто

изменяет жене или мужу, тот, значит, неверный человек, тот может изменить и отечеству!

Войницкий *(с досадой)*. Заткни фонтан, Вафля!

Телегин. Позволь, Ваня. Жена моя бежала от меня на другой день после свадьбы с любимым человеком по причине моей непривлекательной наружности. После того я своего долга не нарушал. Я до сих пор ее люблю и верен ей, помогаю, чем могу, и отдал свое имущество на воспитание деточек, которых она прижила с любимым человеком. Счастья я лишился, но у меня осталась гордость. А она? Молодость уже прошла, красота под влиянием законов природы поблекла, любимый человек скончался... Что же у нее осталось?

Входят Соня и Елена Андреевна; немного погодя входит Мария Васильевна с книгой; она садится и читает; ей дают чаю, и она пьет не глядя.

Соня *(торопливо, няне)*. Там, нянечка, мужики пришли. Поди, поговори с ними, а чай я сама... *(Наливает чай.)*

Няня уходит. Елена Андреевна берет свою чашку и пьет, сидя на качелях.

Астров *(Елене Андреевне)*. Я ведь к вашему мужу. Вы писали, что он очень болен, ревматизм и еще что-то, а оказывается, он здоровехонек.

Елена Андреевна. Вчера вечером он хандрил, жаловался на боли в ногах, а сегодня ничего...

Астров. А я-то сломя голову скакал тридцать верст. Ну, да ничего, не впервой. Зато уж останусь у вас до завтра и, по крайней мере, выплюсь quantum satis*.

Соня. И прекрасно. Это такая редкость, что вы у нас ночуете. Вы, небось, не обедали?

Астров. Нет-с, не обедал.

Соня. Так вот кстати и пообедаете. Мы теперь обедаем в седьмом часу. *(Пьет.)* Холодный чай!

Телегин. В самоваре уже значительно понизилась температура.

Елена Андреевна. Ничего, Иван Иванович, мы и холодный выпьем.

Телегин. Виноват-с... Не Иван Иванович, а Илья Ильич-с... Илья Ильич Телегин, или, как некоторые зовут меня по причине моего рябого лица, Вафля. Я когда-то крестил Сонечку, и его превосходительство, ваш супруг, знает меня очень хорошо. Я теперь у вас живу-с, в этом имении-с... Если изволили заметить, я каждый день с вами обедаю.

Соня. Илья Ильич наш помощник, правая рука. *(Нежно.)* Давайте, крестенький, я вам еще налью.

Мария Васильевна. Ах!

Соня. Что с вами, бабушка?

* В полную меру *(лат.)*.

М а р и я В а с и л ь е в н а. Забыла я сказать Александру... потеряла память... сегодня получила я письмо из Харькова от Павла Алексеевича... Прислал свою новую брошюру...

А с т р о в. Интересно?

М а р и я В а с и л ь е в н а. Интересно, но как-то странно. Опровергает то, что семь лет назад сам же защищал. Это ужасно!

В о й н и ц к и й. Ничего нет ужасного. Пейте, тапан, чай.

М а р и я В а с и л ь е в н а. Но я хочу говорить!

В о й н и ц к и й. Но мы уже пятьдесят лет говорим и говорим, и читаем брошюры. Пора бы уж и кончить.

М а р и я В а с и л ь е в н а. Тебе почему-то неприятно слушать, когда я говорю. Прости, Жан, но в последний год ты так изменился, что я тебя совершенно не узнаю... Ты был человеком определенных убеждений, светлую личностью...

В о й н и ц к и й. О, да! Я был светлую личностью, от которой никому не было светло...

Пауза.

Я был светлую личностью... Нельзя сострить ядовитей! Теперь мне сорок семь лет. До прошлого года я так же, как вы, нарочно старался отуманивать свои глаза вашею этою схоластикой, чтобы не видеть настоящей жизни, — и думал, что делаю хорошо. А теперь, если бы вы знали! Я ночи не сплю с досады,

от злости, что так глупо проворонил время, когда мог бы иметь все, в чем отказывает мне теперь моя старость!

С о н я. Дядя Ваня, скучно!

М а р и я В а с и л ь е в н а (*сыну*). Ты точно обвиняешь в чем-то свои прежние убеждения... Но виноваты не они, а ты сам. Ты забывал, что убеждения сами по себе ничто, мертвая буква... Нужно было дело делать.

В о й н и ц к и й. Дело? Не всякий способен быть пишущим *perpetuum mobile**, как ваш герр** профессор.

М а р и я В а с и л ь е в н а. Что ты хочешь этим сказать?

С о н я (*умоляюще*). Бабушка! Дядя Ваня! Умоляю вас!

В о й н и ц к и й. Я молчу. Молчу и извиняюсь.

Пауза.

Е л е н а А н д р е е в н а. А хорошая сегодня погода... Не жарко...

Пауза.

В о й н и ц к и й. В такую погоду хорошо повеситься...

* Вечным двигателем (*лат.*).

** Герр (*нем.*) — господин.

Телегин настраивает гитару.
М а р и н а ходит около дома
и кличет кур.

М а р и н а. Цып, цып, цып...
С о н я. Нянечка, зачем мужики приходили?..
М а р и н а. Все то же, опять все насчет пустоши.
Цып, цып, цып...
С о н я. Кого ты это?
М а р и н а. Пеструшка ушла с цыплятами... Воро-
ны бы не потаскали... (*Уходит.*)

Телегин играет польку; все молча слушают;
входит р а б о т н и к.

Р а б о т н и к. Господин доктор здесь? (*Астро-
ву.*) Пожалуйста, Михаил Львович, за вами при-
ехали.

А с т р о в. Откуда?

Р а б о т н и к. С фабрики.

А с т р о в (*с досадой*). Покорно благодарю. Что ж,
надо ехать... (*Ищет глазами фуражку.*) Досадно, черт
подери...

С о н я. Как это неприятно, право... С фабрики
приезжайте обедать.

А с т р о в. Нет, уж поздно будет. Где уж... Куда уж...
(*Работнику.*) Вот что, притащи-ка мне, любезный,
рюмку водки, в самом деле.

Р а б о т н и к уходит.



[Почитать описание, рецензии
и купить на сайте](#)

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

